

Комментарии о Государстве и Бизнесе

344

15 февраля 2021

Все мнения, высказанные в данном обозрении, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Макроэкономика

О рецессии 2020 г. и возможной новой модели экономического восстановления и развития

За время своего существования российская экономика уже получила опыт и периодов бурного роста (в 2000–2007 гг.), и длительного замедления (в 2011–2019 гг.), и «прививку» четырех рецессий, последняя из которых на фоне пандемии COVID-19 и нефтяного шока случилась в 2020 г. Помогает ли прошлый опыт борьбе с нынешним рецидивом общеэкономического спада и его последствиями? Несомненно, помогает, о чем говорит сравнительно умеренное падение ВВП в 2020 г. В то же время некоторые уроки, видимо, еще предстоит извлекать и использовать, в том числе при поиске новой модели экономического восстановления и развития.

Динамика ВВП в 2020 г.: о чем говорит статистика Росстата?

Пандемия и снижение в начале прошлого года нефтяных цен и объемов нефтедобычи привели к падению российского ВВП в 2020 г. на 3,1% и росту безработицы (по методике МОТ) по итогам декабря на 27% год к году (или более чем на 950 тыс. человек) – до 4,4 млн (5,9% от рабочей силы). При этом основной удар пришелся на занятость в сфере малого бизнеса и неформальной деятельности. Это видно, в частности, из того, что в ноябре 2020 г. в организациях (без учета субъектов малого предпринимательства) число замещенных рабочих мест было меньше, чем в ноябре 2019 г. лишь на 32 тыс. человек, или на 0,1%.

Хотя реальная заработная плата у работающих выросла в среднем по России по итогам января-ноября 2020 г. на 2,2%, однако за счет роста числа безработных, значительного расслоения по доходам, а также более высокой склонности к сбережению у состоятельных граждан **именно снижение спроса домашних хозяйств внесло основной вклад в сокращение ВВП в 2020 г., примерно в 1,5 раза превысив совокупное падение ВВП** (о чем более подробно будет сказано ниже).

Кроме усугубления в ходе кризисного падения проблемы потребления, обращает на себя внимание значительное расслоение экономики. Оно проявилось не только в секторальном разрезе роста безработицы и динамики заработных плат (что заслуживает отдельного рассмотрения), но также в годовых итогах производственной активности. В целом **границы**

темпов падения секторов экономики составили от минус 24–26% для деятельности гостиниц и общественного питания до незначительных долей процента для строительства и сектора операций с недвижимым имуществом.

Так, добывающая промышленность, по данным промышленной статистики, сократила выпуск на 7%, а по ВДС в основных ценах в национальных счетах – на 10,2% (табл. 1). Это внесло наибольший отрицательный вклад в производство ВВП: почти 1,2 п.п., по нашим оценкам. Следующими по значимости после добычи полезных ископаемых, с точки зрения вклада в падение экономики, стали сектора транспортировки и хранения, а также оптовой и розничной торговли: -0,63 и -0,34 п.п. соответственно. Также значительный вклад в снижение ВВП внесло уменьшение сбора налогов, отражаемое статьей «Чистые налоги» (-0,56 п.п.).

Таблица 1. Производство ВВП России в секторальном разрезе в 2020 г.

Сектора/показатели	Прирост, %	Доля, %	Вклад в прирост, п.п.
ВВП в рыночных ценах	-3,06	100,0	-3,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,03	3,7	0,00
Добыча полезных ископаемых	-10,16	8,8	-1,18
Обрабатывающие производства	-0,04	13,2	-0,01
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; и др.	-4,26	2,4	-0,10
Водоснабжение; водоотведение, сбор отходов и др.	-4,65	0,5	-0,02
Строительство	-0,01	5,1	0,00
Торговля оптовая и розничная; и др.	-2,90	11,7	-0,34
Транспортировка и хранение	-10,29	5,9	-0,63
Деятельность гостиниц и общ. питание	-24,07	0,7	-0,20
Деятельность в области информации и связи	0,24	2,5	0,01
Деятельность финансовая и страховая	7,86	4,4	0,31
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,10	9,4	-0,01
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-1,68	4,1	-0,07
Деятельность административная и др.	-7,07	1,8	-0,13
Гос. управление и др.; соц. обеспечение	2,50	7,6	0,17
Образование	-1,46	3,0	-0,04
Здравоохранение	0,33	3,6	0,01
Культура, спорта, организации досуга и развлечений	-11,40	0,8	-0,10
Предоставление прочих видов услуг	-6,81	0,5	-0,04
Деятельность домашних хозяйств	-25,88	0,4	-0,12
Чистые налоги на продукты	-5,48	9,9	-0,56

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

На антикризисную поддержку в России было потрачено заметно меньше, чем в других странах – в целом более 4% ВВП, однако ключевая ставка была снижена Банком России с 6 до 4,25%, что имело очень важное значение в силу преобладающего значения антикризисной денежно-кредитной политики (ДКП) для экономики с плавающим валютным курсом, свободным движением капитала и все еще не достигшей чрезвычайно неприятной нулевой границы ключевой ставкой. Последнее в отличие от многих крупных развитых экономик оставляет России открытыми перспективы дальнейшей поддержки экономики за счет снижения ключевой ставки. Такая возможность сама по себе может (при прочих равных условиях) дополнительно стимулировать потенциальных инвесторов.

В целом падение экономики в России было заметно меньше, чем в еврозоне и США, где, по оценкам Всемирного Банка, оно составило 7,4 и 3,6% соответственно. В развивающихся странах ВВП в 2020 г. в среднем упал меньше, чем в России, – на 2,6%. Однако если учесть, что более 1 п.п. в российском падении приходится на рукотворное (в рамках соглашения ОПЕК+) снижение добычи нефти и выпуска в добывающем секторе в целом, то сокращение ВВП в России выглядит весьма небольшим.

А это значит, что деятельность основных макрорегуляторов в России можно оценить высоко. В частности, они смогли стабилизировать объемы производства в обрабатывающей промышленности практически на предкризисном уровне (-0,04% прироста выпуска в 2020 г. в составе произведенного ВВП, +0,3 % – по данным промышленной статистики). Последнее очень важно на фоне вероятного ускорения после пандемии в мире процессов решоринга, когда обрабатывающая промышленность будет возвращаться из Азии в традиционные ареалы своего обитания не только в силу снижения значимости фактора дешевой рабочей силы (из-за появления в последние годы у роботов на фоне развития технологий «способности» собирать автомобили и шить текстильные изделия), но и для уменьшения резко выросшего риска зависимости от поставщиков комплектующих из одного региона.

Кроме того, поддержка регуляторами в России ипотечного рынка в форме субсидирования процентной ставки и снижения размера первоначального взноса¹ привела не только к росту цен на недвижимость, которая традиционно рассматривается населением как инвестиционный ресурс, но и к стабилизации выпуска в строительстве и в секторе операций с недвижимым имуществом (о чем упоминалось выше).

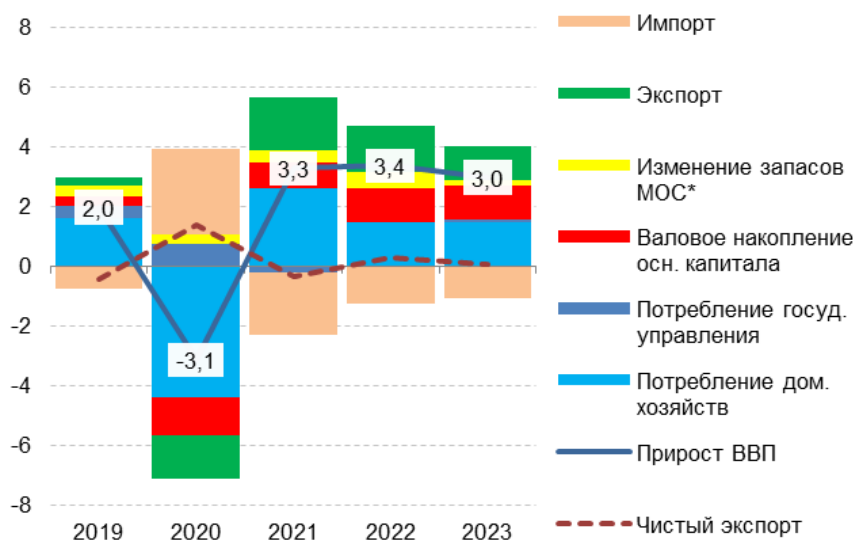
В целом предотвращение падения в обрабатывающей промышленности, строительстве и секторе недвижимости, на которые в совокупности приходится почти 30% ВВП России (табл. 1), уменьшило спад экономики в 2020 г. примерно на 1,5 п.п. (если предположить падение этих секторов при отсутствии господдержки темпами, примерно равными прогнозируемому спаду инвестиций в основной капитал на 5% по итогам года).

Конечно, в определенной мере «мягкая посадка» российской экономики объясняется ее **особой производственной структурой**. В частности, в ВВП России относительно невелика доля малого бизнеса (около 20% против примерно 55–60% в развитых странах), который наиболее сильно пострадал в ходе пандемии. Свою роль сыграло и отсутствие локдаунов в российской промышленности.

В то же время **успех российских регуляторов нельзя назвать полным: в Китае и Турции, а также в Бангладеш и Египте в кризисном 2020 г. ВВП не упал, а вырос, по данным Всемирного банка, на 2,0, 0,5, 2,0 и 3,6% соответственно.** Это говорит о том, что и в нынешних условиях в экономиках развивающихся стран есть возможности роста, и российская экономическая система в принципе может быть (с учетом ее специфики) тоже переориентирована на экспансию. При этом к увеличившим объемы выпуска, даже в условиях кризиса, секторам в 2020 г. в российской экономике относилась деятельность в области информации и связи, финансовая и страховая деятельность, а также здравоохранение, что отражает рост онлайн-услуг, операций населения на фондовом рынке, а также увеличение прямого финансирования здравоохранения со стороны государства.

¹ Ипотечная ставка жилья в новостройках на сумму до 12 млн руб. в Москве и Санкт-Петербурге с апреля составляет не более 6,5%, а размер минимального первоначального взноса сокращен до 15%.

Рис. 1. Прирост ВВП (%) и вклад в него элементов конечного спроса (п.п.) в 2021–2023 гг. (базовый вариант прогноза Минэкономразвития России)

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата и Минэкономразвития России.

Обращает на себя внимание и тот факт, что с точки зрения спроса значительный положительный вклад в динамику российского ВВП в 2020 г. внесло падение импорта, что в общем-то нельзя считать положительным сигналом в силу и без того слабого вклада внешних поставщиков в российский экспорт, который является в значительной части вывозом сырья или полуфабрикатов первых переделов. Сокращение импортных закупок на 13,7% при их доле в ВВП в размере около 21% дало в 2020 г. примерно 2,9 п.п. положительного вклада в прирост экономики (рис. 1). Также рост конечного потребления сектора государственного управления и увеличение запасов материальных оборотных средств (МОС) прибавили к ВВП 0,7 и 0,4 п.п. соответственно (рис. 1). При этом отрицательный вклад в ВВП в 2020 г. внесло потребление домашних хозяйств, экспорт и валовое накопление основного капитала. Их падение на 5,2, 5,1 и 4,2% отняло у ВВП 4,4, 1,5 и 1,3 п.п. соответственно.

В целом можно сказать, что с макроэкономической точки зрения российская экономика в 2020 г. была поддержана и умеренным бюджетным смягчением, и более сильным ослаблением жесткости ДКП, что на фоне обесценения рубля примерно на 20% привело к положительному вкладу в ВВП чистого экспорта в размере 1,4 п.п. (рис. 1). Однако на фоне продолжения тренда к падению реальных располагаемых доходов населения и сокращения его потребления, а также снижения инвестиций совокупность неожиданных кризисных шоков (на нефтяном рынке и в сфере здравоохранения) вызвала в 2020 г. серьезную рецессию в экономике.

При этом переход к дефициту бюджета и ограничение в перспективе (на фоне быстрого снижения ключевой ставки) возможностей стимулирующей денежно-кредитной политики заставляет искать новую модель экономического роста. Это тем более важно, учитывая наблюдавшиеся низкие темпы роста экономики задолго до нынешнего кризиса.

Проблемы макроэкономической координации: вчера, сегодня, завтра

Какие полезные наблюдения можно извлечь из итогов прошедшего кризисного года, да и предыдущих кризисных стрессов в новой России? Один из них, на наш взгляд, состоит в том, что соответствующая особенностям момента координация разных инструментов в экономической политике – это важный фактор успеха (примерно так же как координация взаимодействия фигур на шахматной доске).

Опыт уже первой российской рецессии, случившейся в 1998 г. и вызванной шоком нефтяных цен на фоне несбалансированности мягкой бюджетной и жесткой денежно-кредитной политики, показал, как известно, важность правильного сочетания разных видов макроэкономической политики, которое не достигается автоматически. Мягкая бюджетная политика за счет усиления ожиданий роста инфляции сделала тогда ДКП неэффективной и привела к жесткой посадке экономики.

Тот же по форме, но не по содержанию, вывод следует из опыта второй рецессии 2008–2009 гг., которая была типичной рецессией запасов, когда производство сокращалось на фоне распродажи накопленной на складах готовой продукции. На фоне ухудшения ожиданий складские запасы стали излишними, но крен в антициклической политике был сделан в сторону традиционного наращивания спроса, хотя сам по себе он тогда в российской экономике почти не сократился. При всей важности наращивания спроса, предотвращения тотального сокращения запасов (и падения ВВП почти на 8%), на наш взгляд, можно было бы достичь более интенсивным воздействием на ожидания экономических агентов, в том числе более активной структурной перестройкой (в противовес консервации статус-кво).

Опыт рецессии 2015 г. и, в частности, вялый выход из нее, показал, что при всех долгосрочных преимуществах таргетирования потребительской инфляции, в нефтеориентированной экономике это лекарство против роста цен имеет краткосрочные побочные эффекты, а именно, проциклическое воздействие на реальный сектор экономики. В такой экономике, как показано в ряде работ и иностранных, и российских экспертов², при падении цен на нефть возникает альтернатива: с одной стороны, снижение цен на нефть в силу уменьшения притока нефтедолларов сжимает спрос и открывает отрицательный разрыв выпуска, что требует снижения процентной ставки; с другой, инфляция (в частности, в силу наличия большой импортной компоненты в потребительской корзине) оказывается выше цели, что требует повышения процентной ставки. При этом вариантом элиминирования чрезмерной проциклическости таргетирования ИПЦ в нефтяной экономике может быть либо изменение таргетируемого макроэкономического агрегата (не ИПЦ, а например, номинальный ВВП или индекс цен производителей, не содержащий импортной компоненты), либо автоматическое смягчение последствий повышения ключевой ставки в момент сжатия спроса за счет мер синхронной (возможно, с лагом) бюджетной поддержки.

Соблюдается ли нужная координация действий сейчас? В ходе осуществления антикризисных мероприятий в 2020 г. правительство и Банк России наращивали расходы на укрепление систем здравоохранения, социальной защиты, на поддержку затронутых кризисом секторов, а также противодействовали сбоям на финансовых рынках. Для поддержания занятости были внедрены схемы сохранения рабочих мест и стабилизации рынка труда с применением кредитных механизмов.

² См., например: Сняжков А.А., Хотулев И.М. Оптимальная монетарная, бюджетная и макропруденциальная политика в стране-экспортере нефти (обзор исследований) // Деньги и кредит. 2017. № 9. С. 58–66.

Однако опыт 2020 г. также показал, что на фоне резко выросшей неопределенности меры традиционного кредитования далеко не всегда могут быть, с одной стороны, востребованы заемщиком, а с другой стороны, выгодны заимодавцу, если они строятся на обычных принципах кредитования для поддержания ликвидности в расчете на будущую выручку. Дело в том, что в условиях сильной неопределенности отличить временную потерю заемщиком ликвидности от потери платежеспособности невозможно. В этих случаях, как вариант, может быть целесообразно кредитование не просто в расчете на будущую выручку, а под залог собственности, то есть кредитный процесс в этой новой ситуации может строиться на принципах венчурного финансирования (как это было, например, при спасении правительством Великобритании крупнейших английских банков в 2009 г. или при реанимации компании «Люфтганза» в 2020 г.). Данная тема, актуальная для России и напрямую связанная с проблемой координации разных направлений антикризисной макрополитики, была важным направлением экономических дискуссий в мире в 2020 г. Впрочем, так же как и резко обострившаяся на фоне пандемии COVID-19 проблема важной роли неравенства доходов в росте нормы сбережений, снижении в связи с этим долгосрочной и текущей процентной ставки и невозможности применять на этом фоне в развитых экономиках меры традиционной денежно-кредитной политики³.

Актуальность проблемы координации разных мер экономической политики выявляется и при рассмотрении среднесрочных перспектив развития экономики России. Ракурс, конечно, иной, чем у других стран, но и тему неопределенности, и тему важности сглаживания неравенства у нас нельзя недооценивать.

При этом **выполнение целей национального развития России ставит, в частности, в качестве трех ключевых ориентиров экономической политики на период до 2030 г. снижение бедности (в 2 раза по сравнению с 2017 г.), а также значительное увеличение объема инвестиций и экспорта несырьевых неэнергетических товаров (их увеличение на 70% по сравнению с 2020 г., то есть рост в сопоставимых ценах на 5,4% в год)**. Цели важные (особенно на фоне снижения реальных располагаемых доходов населения, идущего с небольшими перерывами с 2014 г.), но с точки зрения экономик достаточно противоречивые, и в связи с этим их достижение делает особенно важным координацию разных направлений экономической политики.

Дело в том, что **на значительное снижение бедности позволяет, в частности, рассчитывать такое изменение структуры ВВП по доходам, которое предполагает увеличение доли заработной платы наемных работников**, и это изменение действительно просматривается в текущей версии среднесрочного прогноза правительства, а также было заложено еще в его «предковидную» версию⁴. Однако международная конкурентоспособность российских товаров в связи с неизбежным при таком условии ростом удельных трудовых издержек

³ Поскольку ключевой показатель в рамках «нового монетарного консенсуса» – естественный уровень процента – можно воспринимать как ставку, уравнивающую сбережения и инвестиции в условиях полной занятости, то ее (ставки) низкий уровень может быть объяснен как высоким уровнем сбережений, так и низким уровнем инвестиций. В свою очередь, высокие сбережения (низкое потребление) могут быть объяснены и демографией (ростом продолжительности жизни после окончания работы), и ростом неопределенности, и (что становится основным объяснением в мировой академической литературе) ростом неравенства (у богатых выше склонность к сбережению).

⁴ В рамках нового среднесрочного прогноза Минэкономразвития России до 2023 г. доля оплаты труда наемных работников в ВВП в 2021–2023 гг. по сравнению с предкризисной трехлетней должна, по нашим расчетам, вырасти на 1,2 п.п. (с 46,5 до 47,6%), а доля валовой прибыли и валовых смешанных доходов – упасть на 1 п.п. (с 42,2 до 41,3%). При этом вклад потребления домашних хозяйств максимален по сравнению с другими элементами конечного спроса (см. рис. 1).

(при относительно стабильном валютном курсе) уменьшится – в том числе потому, что они часто торгуются на таких рынках, где особенно важна цена товара, а не его качество. А это затруднит достижение цели по экспорту, который (в силу своей пока еще низкой технологичности) сильно зависит от динамики удельных издержек. Кроме того, если экономика переходит на путь поддержки экономического роста на фоне ускоренного наращивания зарплат, то как при этом обеспечить значительное ускорение темпов роста инвестиций в основной капитал, ведь при этом весьма вероятный рост удельных трудовых издержек ведет (при прочих равных) к снижению доходности инвестиционных проектов?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что **экономический рост при стабильном увеличении доли заработной платы в ВВП и большем упоре на рост внутреннего рынка (по сравнению с внешним) является атрибутом того, что можно назвать «экономикой, ведомой заработной платой», то есть т.н. wage-led economy⁵**. Такого рода термин пока не используется российскими регуляторами или экспертами, но это понятие, на наш взгляд, может удачно характеризовать важные аспекты складывающихся в реальности экономических пропорций и структурных характеристик российской экономики на фоне имеющихся социально-политических ограничений.

В рамках концепции wage-led economy предполагается, что **заработные платы и вообще доходы наемных работников являются не только фактором формирования издержек, но и важнейшей движущей силой экономики, дающей постоянный импульс экономическому росту и трудосберегающим инновациям**. При этом можно исходить из того, что при достаточно низкой норме сбережений и соблюдении ряда других достаточно строгих макроэкономических предпосылок, доходы населения, трансформируясь в расходы, становятся доминирующим фактором экономического роста. Последнее происходит как в силу превалирующего размера доходов домашних хозяйств в объеме ВВП, так и более высокой склонности к текущему потреблению из доходов менее богатых слоев населения, чем из доходов богатых. К тому же, как показано в экономической литературе и вообще интуитивно понятно, в условиях глобализации доходы относительно более богатых и прибыль часто становятся источником «утечек», в данном случае вывоза капитала за рубеж, что снижает темпы роста экономики внутри страны (конечно, при наличии там привлекательных проектов для вложения средств)⁶.

⁵ Модель wage-led economy в экономической литературе развивается в противовес другой – экспорто ориентированной – модели экономического роста, а именно profit-led economy. Оба этих подхода существуют в рамках концепции, делающей акцент на спросовых ограничениях экономики (demand-led economy). Такого рода ограничения (то есть со стороны спроса), а также сильная неопределенность с большой вероятностью будут актуальными для всего предстоящего десятилетия. В российской экономике факторы недостатка внутреннего спроса и неопределенности, судя по панели опросов Росстата, стали превалирующими среди факторов, ограничивающих экономический рост, с 2014 г. – после падения в середине года цен на нефть и введения первого пакета санкций в августе.

⁶ После кризиса 2007–2009 гг. модель wage-led economy приобрела дополнительную популярность, так как некоторые эксперты, а также такие международные организации, как ILO и UNCTAD, связывают ее продвижение и развитие с преодолением одной из основных глобальных тенденций последних десятилетий (с начала 1980-х годов), а именно, со снижением доли заработной платы в ВВП и увеличением неравенства в распределении доходов. Такая модель развития сейчас свойственна экономикам некоторых развитых стран мира (см., например, Wage-led growth: Theory, Evidence, Policy // Engelbert Stockhammer & Ozlem Onaran. PERI. Working Paper #300. Nov. 2013).

При этом считается, что относительно успешная реализация в мире (после 1980-х годов) альтернативной модели profit-led growth (в Китае, Германии и др. странах), нацеленной, в частности, на наращивание чистого экспорта за счет проконкурентного снижения удельных трудовых издержек в валютном выражении, связан с ростом глобальных дисбалансов (так как все страны не могут быть чистыми экспортерами), что подрывает долгосрочную устойчивость мировой экономики. Как негативный момент расценивается также то, что в рамках модели profit-led growth часто формируются долговые пузыри на рынке потребительского и ипотечного кредитования, так как долг домашних хозяйств в определенной мере компенсирует снижение удельных трудовых затрат и поддерживает социальную стабильность.

Экономика, ведомая заработной платой, – это модель экономического роста, ориентированная на снижение расслоения по доходам и богатству, на экономическую активизацию широких слоев населения, на учет важных особенностей постсоветского менталитета с его запросом на большую справедливость в распределении доходов. Ее, в целом, можно анализировать как ориентир для внедрения. Однако для того, чтобы произошло ее воплощение в жизнь, требуется соблюсти ряд очень жестких условий, необходимых для формирования эффективной и конкурентоспособной на мировом рынке экономики. Такого рода экономика должна быть реально инновационной, конкурентной, креативной, нацеленной на обновления, то есть на серьезные структурные изменения взрывного характера. В частности, для того, чтобы падение доли прибыли в ВВП (на фоне увеличения доли зарплат наемных работников) не подавляло инвестиции, то есть будущий рост, **в экономике, ведомой заработной платой, необходимо формирование таких инвестиционных механизмов, где на динамику инвестиций больше влияет не доходность инвестиционных проектов, а фактор акселератора (то есть рост загрузки мощностей), а также качество инвестиционного климата и позитивные ожидания экономических агентов.**

Кроме того, важно исходить из того, что **в wage-led economy рост производительности труда стимулируется ростом заработной платы. Это предполагает целенаправленное формирование трудосберегающей модели научно-технического прогресса**, а также активное участие государства в финансировании инновационного процесса и системы воспроизводства человеческого капитала (особенно образования). Характеристики экспорта страны при этом должны быть таковы, чтобы он был ориентирован больше на качество товаров и услуг, на предложение товаров и услуг нового типа, а не на их цену. Высокую долю труда в ВВП должны обеспечивать и защищать развитые профсоюзы и общественные организации.

Таким образом, модель экономического роста, ведомого заработной платой (wage-led growth model), как возможный и привлекательный ориентир для российской экономики, не просто предполагает рост доли заработной платы и вообще доходов наемных работников в ВВП, а требует ряда важных условий. Для того чтобы экономика была эффективной в долгосрочном плане, ее определенные сущностные характеристики и системы регулирования должны соответствовать этой модели. Необходимого для этого состояния экономики и координации инструментов экономической политики в России, видимо, еще только предстоит достичь.

Валерий Миронов

Команда Центра развития

Дарья Авдеева
Наталья Акиндинова
Елена Балашова
Николай Кондрашов
Людмила Коновалова
Алексей Кузнецов
Валерий Миронов
Светлана Мисихина
Анжела Назарова
Сергей Пухов
Наталья Самсонова
Игорь Сафонов
Сергей Смирнов
Степан Смирнов
Алена Чепель
Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ: тел. +7 (495) 772-95-90 доб. 23617, e-mail: info_dcenter@hse.ru, <http://dcenter.hse.ru/>

ПРЕСС-СЛУЖБА НИУ ВШЭ: тел. +7 (495) 772-95-67, e-mail: press@hse.ru, <http://www.hse.ru>

Вся информация, представленная в настоящем выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в выпуске, необходимо ссылаться на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.